

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОТНОШЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Е. О. ФЕДОРУК,

президент Ассоциации юристов онлайн-бизнеса

Решая принципиальный вопрос о том, насколько должна (и должна ли вообще) изменяться теория права с развитием новых технологий, нужно давать себе отчёт в том, действительно ли нынешние общественные отношения с участием носителей ИИ кардинально отличаются от тех, в которых носители ИИ не задействованы. Очевидно, что менять базис в зависимости от возникающих новых элементов надстройки неразумно. Но, допуская наличие признаков субъекта правоотношений у ИИ, не кажется ли необходимым пересмотреть все существенные признаки институтов права, в которых взаимодействуют все субъекты?

В научно-популярной литературе нередко прогнозируются крайне опасные последствия от развития «сильного ИИ». Например, Сюзан Шнайдер пишет: «При недостаточной осмотрительности реализация технологии ИИ может выйти нам боком, иначе говоря, вместо упрощения жизни принести страдания, гибель или эксплуатацию людей. Некоторые связанные с ИИ угрозы процветанию человечества обсуждаются уже давно. Это и хакеры, способные нарушить работу сетей электроснабжения, и сверхразумные автономные системы вооружения, пришедшие словно из фильма “Терминатор”» [1, с. 9], Джейн Уэйкфилд добавляет к этому списку фейковые видео, манипулирующие общественным сознанием, превращенные в снаряды дроны и автоматизированный компьютерный взлом [2], а Юваль Ной Харари называет разрушительную силу технологий вызовом, который и вовсе угрожает человечеству как вида: автоматизация уничтожит миллионы специальностей; технологии смогут разрушить не только экономику, политику и жизненную философию, но и наше биологическое устройство; поскольку люди будут предоставлять ИИ принимать за них решения, власть будет переходить к алгоритмам; с помощью биологических знаний, данных и компьютерных вычислений можно будет попросту «взламывать» тело, мозг и сознание каждого человека, и даже понять его лучше, чем он сам [3]. Однако достаточных оснований утверждать, что в обозримом будущем «сильный» ИИ, господствующий и разрушительный, действительно будет создан или возникнет эволюционным путём, – на сегодняшний день не имеется. Собственно, мы даже не располагаем уверенностью и хоть какими-то свидетельствами о том, что

какой-то из имеющихся «узких» ИИ работает абсолютно без ошибок, или что процент данных ошибок не сможет возрасти в будущем, а будет только снижаться. В данной связи автору импонирует вывод Фрэнка Паскуале, который ставит предотвращение наиболее неблагоприятных исходов «революции ИИ», равно как и реализацию его потенциала, в абсолютную зависимость от «нашей способности выработать мудрое отношение к такому балансу». При этом «к улучшению нашей жизни», по его мнению, должны привести следующие постулаты:

1) эмпирический аргумент: непосредственно сейчас ИИ и роботы чаще всего дополняют, а не заменяют человеческий труд;

2) свойство ценностного характера: во многих областях мы должны сохранить такое положение вещей;

3) политическое суждение: наши институты управления действительно способны достичь именно такого результата [4, с. 11].

Возвращаясь к вопросу возможности трансформации института юридической ответственности в связи с развитием ИИ, и отмечая наличие столь противоречивых подходов и прогнозов, которые существуют в исследовательской среде в отношении дальнейших изменений, остановимся, всё же, на том, что теория права зиждется на принципах права, обладающих признаками основательности и ценности, и соответствующих моральным, политическим и экономическим ценностям общества [5, с. 36]. Это означает, в какой-то мере, нетолерантность доктрины к концепциям противоречивым, не проверенным временем, не принятым большей частью научного сообщества. Посему многие предлагаемые современными авторами идеи не могут претендовать на серьёзность и глубину их восприятия. Так, отдельные признаки субъектности у носителей ИИ, муссируемые исследователями в целом ряде публикаций, в том числе на уровне монографических работ, не позволяют концептуально изменить понятие субъектов прав и правоотношений, поскольку это противоречит нынешней системе ценностей и правоотношений, а вслед за этим и пониманию юридической ответственности; ряд выявленных логических связей между ИИ и естественным интеллектом и выводы о ненахождении данных интеллектов в прямой конфронтации [6, с. 121–122], – не могут уравнивать субъективную сторону правонарушения, совершённого физическим лицом, с субъективной (и тем более объективной) стороной правонарушения с участием носителя ИИ; и т.д. Нельзя не вспомнить в связи с этим концептуальную основу понимания ответственности, сформулированную проф. Ю. И. Гревцовым: «Для понимания ответственности, в том числе юридической, принципиально то, что, реализуя ту или иную социальную роль, субъект права нередко действует (должен действовать)

как существо нравственное – и ответственное. Такая ответственность скорее включает в себя личную подотчетность и способность действовать в рамках этических норм. Ответственность – это определенность, надежность, честность, порядочность в отношении себя и других» [7, ст. 177]. Любая правовая среда, даже та, которую нельзя назвать высокоразвитой, строится на незыблемых принципах: ценностных, логических, основательных. И годами формируемые и развивающиеся нормы права, в каком бы современном обществе и государстве мы не оказались, не смогут отойти от общепризнанного понимания субъектов ответственности и иных составляющих данного института.

Один из ярких (и при этом практических) примеров того, как даже в прецедентной правовой системе охраняются и уважаются ценностно ориентированные и охраняемые столетиями права, – принятое 16 марта 2023 года Бюро авторского права Библиотеки Конгресса США (United States Copyright Office, далее – USCO) Руководство по регистрации авторских прав в отношении работ, содержащих материалы, сгенерированные искусственным интеллектом [8] (далее – Руководство). Он относится всего лишь к одному направлению, в котором используется ИИ – генерация объектов интеллектуальной собственности. У USCO богатая практика работы с обращениями о регистрации таких объектов. Однако, основываясь на незыблемом постулате о том, что автором может быть только человек, ведомство не создаёт новых прецедентов и даже не рассматривает возможность признания авторства за ИИ (подробный обзор положений Руководства проведён автором в более ранней статье [9]).

Ориентируясь на ценностные приоритеты при развитии теоретических представлений об ответственности за действия носителей ИИ, мы приходим к выводу о невозможности существования правосубъектности ИИ (а следом и его личной ответственности – как ИИ или со стороны носителя ИИ) не только формально (в силу того, что юридической автономности у носителей ИИ нет, а технический аспект не может быть положен во главу угла при конструировании правосубъектности любого субъекта права), но и в контексте понимания базовых правовых и социальных категорий, таких как жизнь, достоинство, гуманизм, милосердие и др. Если обратиться к истокам права, то Книга первая Дигест Юстиниана начинается с Титула I «О правосудии и праве» (*De iustitia et iure*), в самом начале которого указано: «Ульпиан в 1-й книге «Институций». Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово «право» (*ius*). Право получило свое название от (слова) «справедливость» (*iustitia*), ибо согласно превосходному определению Цельса право есть искусство доброго и справедливого» [10, с. 88]. То есть ценностное содержание права в значительной мере обусловило вообще само появление

права как высшего инструмента для защиты общественно значимых благ. Многовековое развитие юридической мысли и доктринального обоснования государственно-правовых установлений привело к наличию закреплённых в законодательстве традиционных духовно-нравственных ценностей (*в России это сделано в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809*). Они служат ориентирами в развитии государства и общества, они определяют то, что является действительно важным для всех субъектов права. И, пройдя сквозь века, эти ценности сохранились, благодаря своему фундаментализму и непреложной значимости. Как справедливо напоминают Н. М. Кропачев и В. В. Архипов, «в центре правовой картины мира находится субъект, наделенный свободой воли (даже если это фикция или неопровержимая презумпция), достоинством и ответственностью» [11, с. 300], а «сам факт наличия определенных традиционных ценностей как юридического понятия в действующем акте позитивного права означает, что в так называемых сложных случаях толкования права и для разработки модели юридической аргументации легитимно обращение к ценностям, отраженным в Основах государственной политики» [11, с. 301–302].

Свобода воли субъекта (как базовая правовая ценность) не может быть детерминирована естественно-научными вещами. Поведение человека как субъекта права не предполагает артикуляцию либо исполнение решений, принятых мозгом исходя из причинно-следственных связей, сложившихся в объективной реальности. Наоборот, именно человек, в результате сложных процессов в мозгу которого сформировался волевой посыл, утверждённый затем в качестве персонального решения (которое может быть вообще не связано с реальностью, а продиктовано исключительно внутренними потенциями – духовными, неосозаемыми, а возможно и вовсе интуитивными, и иррациональными), реализует его во времени и пространстве и изменяет существующую реальность. И наличие ценностных ориентиров (как внутренних моральных принципов, так и ценностных установок, закреплённых на государственном уровне и возведённых в ранг особо охраняемых ценностей в силу сложившихся традиций исторического опыта) позволяет субъекту права ориентироваться среди подобных себе, реализуя свою свободу воли, не пересекая, однако, черту, за которой находится свобода другого субъекта и проявляется его волевая потенция в определённых правом пределах в рамках существующих ценностей. Иное понимание проявлений свободы и воли субъекта вообще низвергает суть правосубъектности и его ответственности за свои поступки, в том числе общественности юридической. Условная же «свобода» носителя ИИ заканчивается там, где человек (как истинный субъект

права) определит пределы данной «свободы». Вопрос: нажав «Delete» или «Выкл.», мы и вовсе «убьём» этот «квазисубъект» (или «субъект», или «объект с признаками субъекта» и т.п.)? И ещё один: способен ли носитель ИИ выносить моральные суждения в ценностном смысле? Очевидные ответы на эти вопросы возвращают нас к истинному пониманию права и юридической ответственности, основанному на альтернативно-ценностной модели, которая лежит в основе универсального подхода в социально-гуманитарных науках, и в частности – в теории права.

Без справедливости и свободы воли субъекта право будет лишено смысла. Носитель ИИ свободой воли не обладает, и к категории справедливости отношения не имеет, так как не принимает человеческих решений. Невозможностью формулирования решений, основанных на категориях морали, учёные обосновывают отсутствие субъективности у ИИ, который не может иметь субъективную точку зрения и суждения, а также не имеет собственного (субъективного) опыта [12, с. 66–67]. С теоретико-философско-правовой точки зрения интеллектуальное измерение, в котором находится человек как свободный субъект права и в котором он может познавать смыслы происходящего, не находится в мире причинно-следственных связей. Все «решения», которые «принимает» и проводит в жизнь носитель ИИ в рамках объективной стороны правоотношений, – наоборот, располагаются и реализуются в мире причинно-следственных связей, вместе с самим ИИ. Интеллектуальный мир человека находится в определенного рода противоречии с миром причинно-следственных связей, где в реальности существует ИИ. При этом само право существует только лишь за счёт того, что человек не существует только лишь в мире причинно-следственных связей, а может самостоятельно конструировать этот объективный мир (в котором ИИ и обитает), благодаря собственной свободе воли. ИИ же всегда подчинен решениям человека. В этой связи уместно привести ещё один архиважный ценностный принцип, сформулированный проф. А. В. Поляковым. Основываясь на учениях В. С. Соловьёва и И. А. Ильина, раскрывших основные принципы нравственности, права и взаимного духовного признания, он подробно аргументирует ценностное содержание того важнейшего правового принципа, который он называет принципом взаимного правового признания (принципом взаимного признания правосубъектности) [13]. Реализовать данный принцип в отношении носителей ИИ, даже реализуя гипотетическое допущение наличия у них субъектности, будет невозможно: взаимность данного признания не может возникнуть.

В качестве перспектив развития института юридической ответственности в ключе понимания ИИ, – видятся разве что исключительно исследовательские попытки признать необходимость трансформации, связанную

с субъективизацией ИИ. Однако фундаментальных подвижек в этом направлении (по крайней мере, в обозримом будущем) не случится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шнайдер С. Искусственный ты: машинный интеллект и будущее нашего разума / Пер. с англ. М., 2022.
2. Уэйкфилд Д. Три угрозы человечеству, которые несет искусственный интеллект // <https://www.bbc.com/russian/features-43139404>.
3. Футуролог Харари назвал три главные угрозы человечеству в 21 веке // <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5e2ef4499a79474925acdf08>.
4. Паскуале Ф. Новые законы робототехники: апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта / Пер. с англ. А. Королева, под научной редакцией С. Щукиной. М., 2022.
5. Смирнов Д. А. О понятии принципов права // Общество и право. 2012. № 4(41).
6. Троешестова Д. А., Аbruков В. С., Степанов А. Г. Проблема становления системы взаимодействия организационных структур естественного и искусственного интеллектов в информационном обществе // Вестник ЧГУ. 2012. № 1.
7. Гревцов Ю. И. Лекции по общей теории права учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербурга ун-та, 2019.
8. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence // Federal Register / Vol. 88, No. 51 / Thursday, March 16, 2023 // Rules and Regulations. P. 16190–16194.
9. Подробный обзор положений Руководства проведён автором в статье: Федорук Е. О. Эволюция понимания аспектов авторства, связанных с применением искусственного интеллекта, в США // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. № 2. С. 14–19.
10. Дигесты Юстиниана. Том I. Книги I–IV / Перевод с латинского; Отв. Ред. Л. Л. Кофанов. М., 2002. С. 88.
11. Кропачев Н. М. Архипов В. В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2.
12. Searle John R. Mind: A Brief Introduction. Oxford. 2004. P. 94–95; Davis Joshua P. Artificial Wisdom? A Potential Limit on AI in Law (and Elsewhere) // Oklahoma Law Review. 2019. Volume 72. Number 1.
13. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Том 16. № 6. С. 39–101.